

Отзыв на автореферат диссертации

Кирилла Александровича Маслинского

«Дисциплина в школьной повседневности 1950-х – 1980-х гг.: опыт
социально-антропологического исследования

(на материале российского малого города и села)

Вряд ли нужно доказывать продуктивность междисциплинарного диалога в достижении нетривиальных научных результатов. Это видно на примере представленной Кириллом Александровичем диссертации. Антропологическая оптика работы с историческими источниками позволяет автору выйти за пределы традиционного описательного исторического нарратива, представить модель, имеющую эвристическую ценность при анализе длительных циклов существования социальных институтов. В качестве такого длинного цикла правомерно выбирается период позднесоветского времени или позднего социализма. Следует согласиться с автором, исследователи советского образования гораздо чаще фиксируют свое внимание на выделяющихся феноменах – идеологическом компоненте, школьных реформах, «анклавной модернизации». При этом массовая школа становится фоном или «слепым пятном», которое обязательно предполагается, но не проговаривается исследователем. Подобным фоном являются и дисциплинарные практики советской школы. Обязательное упоминание дисциплины не означает помещение ее в фокус исследования. Как правило речь идет об иллюстративной роли дисциплинарных примеров, призванных продемонстрировать контекст большой политики в микромире школы. Такая оптика невольно редуцирует сложный феномен, выводя его за рамки тех смыслов, которые вкладывали в него сами участники взаимодействия. Эта редукция отчетливо проявляется в известной бинарной оппозиции тоталитарной оптики, различающей лишь власть и сопротивление. Автор успешно избегает этого, предлагая рассматривать школьную дисциплину как эмное определение. Это позволяет претендовать на иной язык описания, позволяющий говорить о микроуровне школьной повседневности, не сводя при этом рассматриваемые явления к изолированным друг от друга кейсам. Школьная дисциплина в исследовании становится двойственным понятием. С одной стороны, речь идет о представлениях самого педагогического сообщества. С другой – является исследовательским инструментом, позволяющим провести тонкий анализ школьной повседневности советского времени.

Пытаясь избежать редукции построения инвариантного канона, автор предлагает системный стиль этнографического описания, позволяющий

учитывая вариативность явлений и процессов, осуществлять определенную генерализацию. Мостом, соединяющим аналитические схемы, предназначенные для рассмотрения советского опыта со школьной повседневностью советской эпохи, становятся функции, вокруг которых формируются практики. Это отражено в структуре работы. Обзор антропологической (преимущественно англосаксонской) литературы не просто помещает исследование в контекст зарубежной традиции. Автор осуществляет концептуализацию таких категорий как «культурное и социальное производство», «сопротивление», «власть и надзор», «авторитет». Это позволяет обозначить дисциплину как дихотомию нормы и процесса. Использование же понятия «дисциплинарное действие», позволяет осуществить своеобразную «агентную прививку» идеям Мишеля Фуко. Вторая глава является описанием нормативного поля, предписанного преимущественно формальными документами. Их анализ позволяет выделить особые ситуации или «точки контроля», попадающие в дисциплинарную сферу. Это необходимо автору для того, чтобы выделить дисциплинарный канон советской школы. В некотором смысле эта процедура напоминает построение идеального типа, необходимого для последующей интерпретации материалов интервью. При этом автор осуществляет корректную критику источника, отмечая выявленные практики как репрезентацию, а не фиксацию прошлого. Третья глава посвящена «инвентаризации» форм школьной дисциплины посредством понятия дисциплинарное действие. В рамках этого понятия выделяется четыре принципа (дисциплинарный ответ, делегирование, позор, исключение). Эта конструкция позволяет интерпретировать материал интервью, обнаружить не только общие закономерности символических коммуникаций участников школьного взаимодействия, но и социальный контекст – родительское сообщество и семейную культуру. Выводы автора нетривиальны. Детальное регулирование формы школьной дисциплины предполагало активность учителя как агента, который имел относительную свободу в детализации дисциплинарного канона и в определении ситуации. Парадоксально, но дисциплина становилась в советской школе пространством выбора.

Добротно проведенное исследование неизбежно порождает дискуссионные вопросы и предложения. Следует ли понимать термин «дисциплинарное действие» как вариант «социального действия» в веберовской традиции? Является ли любая нормализующая практика в понимании автора дисциплинарной? Основанием для формулирования дисциплинарного канона становятся (за исключением материалов интервью) официальные тексты. Между тем, школьный учитель в своей профессиональной социализации мог ориентироваться не только и не столько на них, сколько на образы и поведение своих старших коллег,

которые могли осуществлять дисциплинирование дисциплинирующего субъекта. Может ли в построении дисциплинарного канона учитываться интерактивная схема его формирования? Дисциплина рассматривается как система практик и норм, опосредующих взаимодействие учителя, власти и учащихся. Между тем, в тексте диссертации неоднократно упоминается взаимосвязь дисциплинарных практик и «обычного права», связанного с семейной культурой. Это позволяло существовать негласным конвенциям, способным оправдывать девиантные с точки зрения педагогического дискурса практики, например - физическое насилие. На мой взгляд, модель, предложенная автором, имеет эвристическую ценность и при анализе социальных контекстов школьного мира, например – взаимодействия школьной и семейных традиций в контексте дисциплинарного поля. Быть может, изменение института семьи в постсоветское время является дополнительным основанием для современных конфликтов, в рамках которых учителям становится сложнее ориентироваться на неформальные конвенции прошлого.

Представленная диссертация выполнена на высоком профессиональном уровне и в полной мере соответствует критериям, предъявляемым к диссертации кандидата исторических наук.

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
НИУ ВШЭ-Пермь

А.В.Чашухин

Подпись
Начальник отдела кадров
«01» ноября 2017 г.

заверяю
И.Н. Калявина
М.П.